

Странная школа для странных героев: трансформация обыденного пространства в сериале «Школьная медсестра Ан Ын Ён»

Александра В. Тарасова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, aleks.tarasova@gmail.com*

Аннотация. Статья анализирует южнокорейский сериал в жанре фэнтези как целостный текст с целью выявления особенностей построения пространства, в котором разворачивается действие. Популярность сериалов, произведенных в Республике Корея, неоспорима, как и их востребованность у иностранной аудитории. Однако не только сам феномен популярности и не только рецепция южнокорейских сериалов могут быть предметом рассмотрения в гуманитарном исследовании. Построение повествования, типы персонажей, сложившиеся стандарты и отступления от них – все это также представляет собой весьма перспективный материал для анализа. Созаказчиками или единственными заказчиками новых сериалов все чаще выступают стриминговые сервисы, среди которых особенно выделяется Netflix. Продукция, созданная для эксклюзивной демонстрации на платформе Netflix, ориентирована не только на внутреннюю корейскую аудиторию, но и на глобальную, поэтому от таких сериалов можно ожидать как калькирования глобальных образцов жанра, так и смелых экспериментов с южнокорейскими стандартами. А технические возможности, предоставляемые Netflix, позволяют сериалу в жанре фэнтези реализовать довольно сложные замыслы создателей шоу. И сериал 2020 г. «Школьная медсестра Ан Ын Ён» представляет собой весьма перспективный для изучения пример южнокорейского сериала в жанре фэнтези, сделанного для платформы Netflix.

Ключевые слова: телесериал, Южная Корея, фэнтези, Netflix, «странное»

Для цитирования: Тарасова А.В. Странная школа для странных героев: трансформация обыденного пространства в сериале «Школьная медсестра Ан Ын Ён» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 2. С. 137–152. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-2-137-152

Strange school for strange heroes. Transforming ordinary space in “The School Nurse Files” TV series

Aleksandra V. Tarasova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
aleks.tarasova@gmail.com*

Abstract. The article analyzes the South Korean TV series in the genre of “fantasy” as a holistic text in order to identify the features of the construction of the space in which the action takes place. The popularity of series produced in the Republic of Korea is undeniable, as is their popularity with foreign audiences. However, not only the phenomenon of popularity itself and not only the reception of South Korean TV series abroad can be the subject of consideration in a humanitarian study. The construction of the narrative, the types of characters, the established standards and deviations from them – all that also represents a very promising material for analysis. Streaming services are increasingly becoming co-producers or sole producers of new series, among which Netflix stands out in particular. TV series created for exclusive demonstration on the Netflix platform are aimed not only at the domestic Korean audience, but also at the global one, therefore, from such series one can expect both tracing of global examples of the genre and bold experiments with South Korean standards. And the technical capabilities provided by Netflix allow the series in the fantasy genre to realize the rather complex ideas of the show’s creators. And the 2020 series “The School Nurse Files” very promising example of a South Korean fantasy TV series made for the Netflix platform.

Keywords: TV series, South Korea, fantasy, Netflix, “Freaky”

For citation: Tarasova, A.V. (2023), “Strange school for strange heroes. Transforming ordinary space in ‘The School Nurse Files’ TV series”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, pp. 137–152, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-2-137-152

Введение

Глобальная востребованность южнокорейских сериалов, неуклонно нараставшая с начала 2000-х гг., получила новый импульс осенью 2021 г., после триумфа «Игры в кальмара» на платформе Netflix. Увлеченность зрителей со всего мира «кей-драмами», или, как их чаще называют русскоязычные поклонники, «дорамами», перерастающая в интерес к корейской культуре вообще, иногда приводит к излишне прямолинейным страхам перед угрозой, которую корейские сериалы могут представлять для национальной идентич-

ности людей из других стран [Menh, Phoung 2022, p. 9]. С другой стороны, усиливается и чисто академический интерес к этому виду культурной продукции, так что уже возможным оказывается говорить о «K-drama Studies». Автор опубликованного в 2022 г. обзора, впрочем, констатирует, помимо относительной малочисленности исследований в этой области, наличие еще двух проблем. Во-первых, до недавних пор сериалы изучались в контексте исследований «корейской волны», в общем ряду с южнокорейской поп-музыкой и компьютерными играми. Во-вторых, даже когда внимание было направлено только на сериалы, рассматривалась в первую очередь их рецепция иностранными зрителями, попытки же «прочитать» сами кей-драмы как текст были, скорее, исключением [An 2022, pp. 91, 92].

Среди южнокорейских сериалов, которые могли бы стать потенциальным объектом самостоятельного изучения, особое место занимают сделанные в сотрудничестве с внешними инвесторами, в частности с платформой Netflix, которая в последние годы часто выступает в качестве сопродюсера сериалов либо приобретает эксклюзивные права на демонстрацию сериалов прошлых лет. Упомянутая чуть выше «Игра в кальмара» знаменует собой уже следующий этап – она была создана по заказу платформы и для исключительной демонстрации на Netflix. Хотя этот сериал, как и другие представители той же группы, снимался в Корее и играли в нем корейские актеры, он изначально был предназначен не только для корейской аудитории, но и для аудитории глобальной. Такая ситуация одновременно и выгодна создателям сериалов (даже если их очередное произведение будет не слишком успешно в Корее, для иностранных зрителей оно может оказаться весьма привлекательным) и вызывает некоторую настороженность: не приведет ли «нетфлексизация» сериалов к стандартизации, к утрате того, что, собственно, и делает их особым культурным явлением на фоне общепринятых форматов и жанров [Kim 2022, p. 1518]. При этом снятые таким образом сериалы, действительно отклоняясь в той или иной степени от внутренних корейских стандартов, не обязательно обречены на превращение в кальку с американских или британских образцов: они могут представлять собой эксперимент с жанром, типажам героев, способами организации повествования, оставаясь при этом на «корейской почве».

Одним из первых южнокорейских сериалов, созданных специально для платформы Netflix, был 6-серийный¹ сериал 2020 г.

¹ Чаще всего в южнокорейском сериале от 12 до 20 серий, самый пространственный вариант – 16, так что 6 серий – это уже определенный эксперимент.

«Школьная медсестра Ан Ын Ён»², жанровая принадлежность которого обозначена как “Fantasy” (с уточнением – Quirky, что может быть переведено как «причудливый, странный»)³. Целью настоящей статьи и является изучение этого сериала как самостоятельного текста – для выявления характера его «странностей».

Фикциональный мир сериала и его герои

Сериал «Школьная медсестра Ан Ын Ён» рассказывает о надежденной даром видеть то, что сокрыто от обычных людей, молодой женщине (эту роль исполняет актриса Чон Ю Ми), которая работает в школе – в качестве медсестры и в качестве защитницы учеников от разнообразных рисков, выходящих за рамки «реального». Ее соратником становится учитель китайской иероглифики Хон Ин Пё (актер Нам Чжу Хёк), некогда пострадавший в серьезной аварии, но при этом обладающий мощной защитной аурой⁴. Среди противников же этого дуэта – не только паранормальные существа, но и люди, которые состоят в двух могущественных тайных организациях, по некоторым причинам стремящихся получить контроль над школой.

Роман Чон Се Ран, вольную интерпретацию которого представляет собой сериал, был выпущен на русском языке в 2021 г. под названием «Медсестра-заклинательница»⁵; как и сериал, роман представляет собой в большей степени серию отдельных новелл, объединенных местом действия и более или менее активным участием двух главных героев во всех сюжетах. Расхождений между книгой и сериалом достаточно много⁶, но поскольку сериал пред-

² Англоязычное название сериала на Netflix “School Nurse Files”, на русскоязычных ресурсах он фигурирует в том числе под названием «Медсестра-заклинательница», но точный перевод его корейского названия (보건교사 안은영) – именно «Школьная медсестра Ан Ын Ён».

³ См.: <https://www.netflix.com/nl-en/title/80209129> (дата обращения 28.10.2022).

⁴ Героиня видит ее как подобие прозрачного радужного пузыря, окружающего учителя.

⁵ Чон С. Медсестра-заклинательница. М.: АСТ, 2021. 288 с.

⁶ К примеру, в романе отдельные вставные новеллы посвящены учительнице биологии и учителю истории, однако в сериале все внимание уделяется главному герою, основные же герои в этих новеллах выступают как второстепенные действующие лица; однако в сериале учителя истории

Ил. 1

ставляет собой отдельное произведение, погружаться в детальное сопоставление с романом не входит в наши задачи.

Хотя героиня заявлена в русском варианте названия как «за-клинательница», противостоять ей приходится не духам (при этом слово *квипшин*, обозначающее всяческую «нежить», в сериале фигурирует), а принимающим условно-материальный вид следам человеческих эмоций и желаний, невидимым для обычных людей; героиня обозначает их с помощью англицизма «джелли» – «желе». «Желе», оставшееся после умершего человека, может принять вид псевдопризрака, с которым можно разговаривать, но который рано или поздно все равно исчезнет⁷ – в этом случае оно может

нет вовсе, а учительница биологии появляется мимолетно. Сериал завершается сценой, в которой одна из учениц приходит к медсестре с просьбой встретиться с ее матерью, видящей призраков – а в оригинале этот сюжет раскрыт полностью, причем примерно в середине книги. Двое неразлучных друзей, одному из которых всегда не везет, зато второй неизменно удачлив, в романе – юноши, а в сериале – девушка и юноша. Девушка, которая в романе носит прозвище Jellyfish – «Медуза», остается Медузой, но используется уже корейское слово *хэпари* (해파리); при этом и собственное имя девушки меняется с Хэ Хён на А Ра.

⁷Таковы в сериале мать главной героини, ее школьный друг Ким Кан Сон, а также маленькая девочка, обитающая в детском саду, рядом с местом своей гибели. Все они не представляют собой никакой угрозы живым людям и охотно взаимодействуют с героиней, но при этом достаточно четко дается понять, что все они – уже некие отдельные сущности по отношению к трем умершим людям.

быть визуализировано и как точное подобие живого человека, и в более зловещем варианте – как изуродованный труп. Если речь идет только об обрывках чьих-то желаний и чувств, то они могут выглядеть и как бесформенные сгустки разноцветной субстанции, и как подобие живых существ, например маленьких оранжевых осьминогов. Чтобы удержать под контролем все это разнообразие, героиня пользуется светящимся пластмассовым мечом и игрушечным пистолетом, когда же ей требуется пополнить запасы энергии, обращается к всевозможным источникам: статуэтки буддхисатв в буддийском святилище, египетский анх, замочки, которые влюбленные вешают на ограде близ сеульской телебашни Намсан, и аура учителя Хон Ин Пё – все идет в ход.

Описание сериала может произвести впечатление чего-то довольно «странного» даже с учетом жанра фэнтези. И само слово «странный»⁸, как и различные производные от него, в сериале звучит довольно часто. Нестандартными можно назвать уже самих главных героев. Ан Ын Ён, с одной стороны, преподносится как аналог «супергероини» (ее школьный друг когда-то даже придумал ей соответствующий образ). С другой стороны, ее способы борьбы с паранормальным опасно балансируют на грани пародии. Молодая героиня корейского сериала обычно преподносится как безусловно «женственная» – даже если она прекрасно владеет приемами спортивного единоборства. При этом она может иногда вести себя грубовато, может на время утратить внешнюю привлекательность из-за болезни или переутомления, но она непременно появится в кадре и с тщательно уложенными волосами и красивым макияжем⁹. У Ан Ын Ён же не возникает повода продемонстрировать подобную условную «женственность»; а вместо люксовой косметики она в кадре использует травяной состав,

⁸ Корейское прилагательное 이상하다, которое переводится и как «ненормальный», «неожиданный», «сомнительный», служит характеристикой в том числе и самой героини.

⁹ Сцены, в которых героиня покупает косметику или подкрашивается, вообще встречаются достаточно часто – не в последнюю очередь потому, что это создает условия для продакт-плейсмента. В недавней статье, посвященной продакт-плейсменту в корейских сериалах, отмечается, например, что героиня популярных «Потомков солнца» может потратить около 5 минут экранного времени на манипуляции с косметикой, и это делает такой способ продвижения продукции особенно эффективным: зрители успевают разглядеть и внешний вид крема или помады, и способы нанесения, и, самое главное, увидеть результат – безупречно красивое лицо актрисы Сон Хё Кё [Perwitasari, Paramita 2020, p. 152].

якобы обладающий защитными свойствами: маленькие мешочки с ним надеваются на пальцы, в результате чего ногти приобретают неровную оранжевую окраску (так что результат весьма далек от аккуратного маникюра, подходящего главной героине). И функция объекта, на который направлено мужское внимание – функция, которая была обязательной для героини корейских сериалов 2000-х гг. и все еще релевантна в наши дни [Baldacchino, Park 2021, pp. 297–298], – практически полностью обходит школьную медсестру стороной.

Хон Ин Пё, главный герой, не только замкнут и необщителен – это как раз черты, достаточно часто встречающиеся в корейских сериалах¹⁰, но в основном ведет себя пассивно, лишь следуя за более активной героиней. Он крайне далек от властно-агрессивной модели поведения дорамного героя [Kenasri, Sadasri 2021] в отношениях и с Ан Ын Ён, и с эпизодически появляющейся подругой детства, как будто проявляющей к нему интерес. Но не соответствует он и очень привлекательной для иностранных поклонников корейских сериалов модели «мягкой мужественности», которая, с одной стороны, требует от героя чувствительности и способности откровенно и красноречиво описывать свои эмоции, но с другой – все же подразумевает и исполнение роли «спасителя» (хотя бы в одной сцене) [Lee 2019, pp. 33, 35, 39]. Мешковатая одежда и скованная манера держаться противоречат идеалу мужской красоты – распространенному образу «цветочного юноши» [Murell 2019, p. 128]. Подчеркивается и его хромота, и физическая слабость в целом – что подразумевает еще один важный аспект: Хон Ин Пё заведомо не служил в армии, что в стране, где служба рассматривается как неременный этап в жизни полноценного мужчины и гражданина [Murell 2019, p. 143], в принципе ставит под сомнение его «маскулинность». И если в романе некоторые события описаны с его точки зрения, то в сериале высказаться от первого лица может только героиня; да и сцен без ее участия у Ин Пё совсем немного.

Таким образом, сами герои, даже если абстрагироваться от того, что противостоят они в основном разноцветным стучкам желеобразной субстанции, отчетливо выделяются на фоне среднестатистических центральных персонажей южнокорейских сериалов. Не вполне стандартны и их отношения: в большинстве случаев, даже если сюжет не предполагает любовной линии между героями, в по-

¹⁰ В частности, ими наделен *цундерэ* – один из стандартных типов героя [Пуховская 2019, с. 160–161]. Само слово *цундерэ* – японского происхождения.

вестование включаются хотя бы намеки на возможное движение в этом направлении. Результаты одного из новейших исследований показывают, что хорошо знакомые иностранной аудитории признаки принадлежности к жанру мелодрамы позволяют ей легче и глубже погрузиться в сугубо корейскую социальную проблематику, которая должна быть этому внешнему зрителю чужда [Hartzell 2022, p. 197]¹¹. Но в «Школьной медсестре» даже намеки с трудом поддаются распознаванию, не говоря уже о присущих мелодраме аудиовизуальных приемах рассказа о любви; зрителю предлагается не столько самостоятельно додумать романтические чувства героев, сколько практически полностью придумать их¹². В своей последней совместной сцене герои, только что одержавшие победу над нематериальным противником, держатся за руки, но нейтральная репрезентация этого жеста не позволяет определить, влюбленные на экране или соратники.

Деятельность этих нестандартных героев разворачивается в пространстве, которое хорошо знакомо всем без исключения зрителям – и корейским, и иностранным, – в пространстве школы.

Это пространство по определению должно включать в себя зоны, назначение которых не вызывает никаких сомнений, – классы, столовую, спортивную площадку и т. д., а время внутри школы должно подчиняться графику занятий. И отношения среди вовлеченных в школьную жизнь людей обусловлены жестко определенным регламентом – в зависимости от места, которое каждый занимает в школьной иерархии. Школа из «Школьной медсестры Ан Ён Ён» в известной степени отвечает этому описанию. Это достаточно современное здание, в котором есть и классы, и столовая, и медицинский кабинет, график занятий строго соблюдается (по крайней мере, одна из сцен первой серии показывает, что там есть некие дежурные, которые утром стоят у ворот школы и вслух отсчитывают время до начала уроков, в то время как мимо них пробегают опаздывающие). Старшеклассники пишут тесты, вместе обедают, заводят дружбу и влюбляются. Отношения между ними не всегда безоблачные – например, в баскетбольной команде ученик из бедной семьи

¹¹ При этом опрошенные поклонники корейских сериалов неохотно признавались в любви к мелодрамам, но автор полагает, что причина тут либо в плохой репутации мелодрам (и на первых позициях в результате опроса все равно оказались романтическая комедия и *romance*), либо в том, что предпочтение отдается мелодрамам, в которые добавлены элементы иных жанров [Hartzell 2022, pp. 203, 205].

¹² В романе меж тем Ан Ён Ён и Хон Ин Пё – пара, хотя их отношения и описываются очень сдержанно.

Ил. 2

подвергается травле, но в целом школа в первой серии заявлена как довольно благополучная¹³.

Но в эту картину с самого начала вторгаются детали, ставящие ее под сомнение: они относятся как к поведению людей внутри школы, так и к самому зданию. У школы плоская крыша: на нее можно выйти, и поэтому она в целях безопасности обнесена по краям металлической сеткой с крупными ячейками. Размеры ячеек позволяют вскарабкаться по сетке довольно высоко, а поскольку сама сетка на фоне неба плохо различима, это в некоторых ракурсах создает иллюзию парения человеческих фигур в воздухе. Сперва это одинокая фигура девушки, которая пытается таким образом лучше рассмотреть, что происходит внизу, в другом же эпизоде сразу множество охваченных приступом одержимости школьников повисает на этой сетке (едва ее не обрушивая).

Если впечатление, создаваемое сеткой и фигурами на ней, не требует компьютерной графики и не принадлежит напрямую области «фантастического», то следующий пример уже носит комплексный характер. У входа в школу стоит статуя ее основателя (а заодно и дедушки главного героя). Статуя обозначена как нечто выходящее за рамки «нормального» – она негромко бормочет приветствие и двигает глазами, но этот эффект дополняется манерой

¹³ В отличие от романа: там почти сразу сообщается, что в школе очень высокий уровень самоубийств («дети падали с высоты, словно град» (Чон С. Медсестра-заклинательница. М.: АСТ, 2022. С. 16), и обстановка в целом тревожная.

Ил. 3

съемки. Нависая над прохожими или возвышаясь на фоне школьной стены, статуя до поры производит впечатление очень большой, однако когда рядом с ее постаментом оказывается героиня, когда оказывается возможным соотнести ее размеры с проходящими мимо школьниками, становится очевидно, что фигура основателя высотой, похоже, уступает человеку среднего роста. Памятник, таким образом, словно бы сжимается (а в финале сериала оказывается и вовсе повержен). А по ночам над школой безо всякой связи с сюжетом проплывает огромный светящийся кит – уже полностью созданный средствами компьютерной графики.

Самое странное место в школе – ее подвал. Прежде всего, он сразу же маркирован как место запретное и не вполне понятное: с одной стороны, его двери заперты, с другой – подвал прежде регулярно подвергали некой очистке, которую доверяли только одной сторонней компании под названием «Ильгван» (но в основном времени действия дозвониться до «Ильгван» невозможно). Наконец, именно под дверь подвала сползаются стуски «желе» со всей школы. Когда главные герои попадают в подвал, примечательно прежде всего то, что аудитория видит его глазами обоих героев. Если для Ан Ын Ён он предсказуемо заполнен принявшим самые причудливые формы «желе», то перед Хон Ин Пё только пустые темные помещения и переходы. Но даже в этом втором варианте подвал сохраняет странность. Многоярусный, с узкими коридорами и очень высокими лестницами, он явно слишком велик для школы и при этом никак не используется – в нем нет ничего, кроме нескольких предметов, указывающих на попытки борьбы со злыми духами: емкости с красной фасолью, шаманских бубенцов и заговоренной веревки. И только в самом нижнем ярусе подвала обнаруживается объект, отчасти объясняющий непомерную глубину подвала и наличие упомянутых выше предметов: там лежит покрытый

китайскими иероглифами плоский камень, повествующий о том, что прежде на этом месте был пруд, где топились страдающие от неразделенной любви молодые люди. Впоследствии накопившаяся в пруду негативная энергия привела к тому, что водные твари стали превращаться в опасных монстров¹⁴, после чего пруд засыпали. Дедушка же героя построил на этом месте школу, рассчитывая, по-видимому, использовать энергию этого места.

Поведение людей внутри школы следует похожей логике. И тут тоже можно выделить ситуации просто «странные» и ситуации «фантастические». Школьники ежедневно делают нечто вроде обязательной зарядки, завершающейся громким принужденным смехом, и черно-белые фотографии на стене коридора показывают, что этот обычай поддерживался, видимо, с момента основания школы. Медсестра бродит по школьным коридорам, согнувшись под тяжестью манекена на спине (он предназначен для инструктажа по первой помощи). Одна из школьниц несколько раз внезапно обнаруживается в медкабинете – то оказывается, что она дремала на койке за занавеской, то она сидит на столе рядом со все тем же манекеном. Собираясь позвать девушку на свидание, капитан баскетбольной команды устраивает настоящее шоу, в процессе подготовки к которому перед школой выкладывается огромное сердечко из горящих свечек, а по зданию мечутся члены команды в нелепых костюмах, в том числе – огромного петуха. Учительница биологии заходит в кабинет к героине в сопровождении белых уток¹⁵, и обе женщины не обращают на это обстоятельство никакого внимания.

Примеров просто «странного» довольно много, но они дополняются эпизодами, которые, во-первых, требуют спецэффектов, а во-вторых, содержат мистическую или магическую составляющую. Страдающий от неразделенной любви ученик бродит по коридорам и лестницам, оставляя повсюду своих двойников из «желе». Между двумя неразлучными друзьями есть связь не только сугубо духовная: их головы соединяет видимая только Ан Ён Ён толстая мясистая косица довольно неприятного вида, высасывающая

¹⁴ Стремясь прочитать историю целиком, герой переворачивает камень, что приводит к явлению одного из этих чудовищ.

¹⁵ Это, строго говоря, явная аллюзия на роман-первоисточник, в котором посвященная учительнице биологии новелла как раз и рассказывает о важной роли уток в ее жизни. В сериале же эти утки появляются неоднократно – и всякий раз безо всякой связи с основным действием, они просто куда-то проходят мимо школы или мимо героев (вызывая тем самым ассоциации с белыми гусями из «Черной кошки, белого кота» Эмира Кустурицы).

Ил. 4

из подростков энергию. Вслед за похищенной из соседней школы подушечкой для сидения¹⁶ приходит призрак умершей школьницы, своим присутствием повергающий в неудержимые рыдания наименее стойких учеников. А учитель английского под прикрытием садоводческого кружка производит какие-то странные опыты с «желе» и растениями – в результате которых, в частности, голова одного из учеников на время превращается в травяной шар (тоже видимый только героине).

Странности школы обусловлены, разумеется, в первую очередь особым характером самой местности, причем во второй половине повествования к уже имеющейся информации про засыпанный пруд добавляются новые сведения. В этом месте уже много веков подряд объявляются иногда существа, которые обозначены как «клещи», хотя во много раз превышают обычных клещей размерами, да и выглядят иначе. Кусая людей, эти «клещи» приносят им неудачу: кабинет Ан Ён Ён заполняют ученики со всевозможными ушибами, вывихами и ссадинами. Но вслед за «клещами» обнаруживается и средство борьбы с ними – «клещеед», материализующийся из ниоткуда в виде молодого человека, неспособный покинуть вверенную его заботе территорию, умирающий после того, как задача выполнена, и вновь возрождающийся, когда в нем возникает нужда. Кто посылает «клещеедов» (предположительно, их много) и кто подчинил их жизнь таким правилам – остается загадкой, но в школе «клещеед» тоже появляется – в образе юной девушки, которая быстро обзаводится подругами. Причем подруг

¹⁶ Украденная с чужого стула подушка должна была послужить талисманом, помогающим написать важный тест.

не особенно удивляет тот факт, что новенькая – не совсем человек и что у нее позади уже много рождений; дальнейшее развитие сюжетной линии приводит к появлению у «клещеда» стремления хотя бы единожды прожить полноценную жизнь и к поискам средства превращения в обычного человека. Поиски эти увенчиваются успехом, так что очевидно «странное» пространство школы тем не менее способствует нормализации попавшего в нее еще более странного нечеловеческого существа.

Визуализация паранормальных явлений в «Школьной медсестре Ан Ын Ён» может быть нейтральной, относиться к ряду неприятного (слизь или нечто вроде густого клея, нитями тянущегося между руками двух людей) или выглядеть зловеще (другая школа, где когда-то училась Ан Ын Ён, заполнена серо-черными «призраками» работниц, погибших во время пожара на соседней фабрике, а над одноклассницей, которая, возможно, подвергается домогательствам со стороны собственного отца, возвышается нечто вроде огромной обнаженной человеческой фигуры). Но неприятное или зловещее может легко перейти в категорию «милого», сентиментального: подземный монстр, пытавшийся сожрать школьников, и призрак ученицы из соседней школы взрываются, распадаясь на множество полупрозрачных разноцветных сердечек; огромное розовое сердце падает с небес рядом со школой и в финале повествования. Впрочем, школьное здание ради его нейтрализации приходится разрушить (но закадровый голос героини сообщает, что его быстро отстроили заново и уроки продолжились).

Заключение

Если обратиться к южнокорейским фантастическим сериалам, в которых фигурирует школа, то среди них можно найти и примеры превращения школы в место безусловно опасное – как в нетфликовском же зомби-хорроре 2022 г. «Мы все мертвы», и интерпретации школьного пространства как надежного убежища, помогающего к тому же раскрыть свои скрытые способности, как в «Школе Мурым» (телеканал KBS2, 2016). Но чаще это пространство, преподносимое как «обычное», но недружелюбное по отношению к нестандартному герою: откровенно враждебное к герою-старшекласснику – в «Чудесном слухе» (OCN, 2020–2021), скорее отторгающее юных героинь как нечто непонятное – в «Токкэби» (tvN, 2016–2017) и в «Хваюги» (tvN, 2017–2018). В «Школьной медсестре Ан Ын Ён» же школа одновременно и трансформируется в нечто далеко от-

клоняющееся от школы «нормальной», дополняющее чуть ли не каждую узнаваемую деталь школьной жизни той или иной «странностью» – и выполняет функцию места, где подростки обоего пола учатся под защитой взрослых. Среди школьников – персонажей сериала есть и довольно активно участвующие в действии, но все же и они остаются объектом заботы. А главные герои (женщина, которая со стороны кажется сумасшедшей, и мужчина-инвалид), хотя и являясь в известной степени маргинализированными в рамках школьного сообщества, все же добросовестно выполняют то, что входит в их профессиональные обязанности (даже если для этого приходится вооружиться светящимся мечом).

В создании образа школы и в том, как представлены образы «населяющих» ее персонажей, разумеется, немалую роль играет компьютерная графика. Однако основная заслуга в том, что мир школы из «Школьной медсестры Ан Ён Ён» стал таким причудливым и вместе с тем обладающим своей внутренней логикой, принадлежит в равной, наверное, мере сценарию и операторской работе, сюжетным поворотам и набору простых технических приемов, которые позволили «странному» проявиться во вполне «обычном».

Литература

- Пуховская 2019 – *Пуховская А.В.* Южнокорейские сериалы 2010-х гг.: герои и типы конфликтов // Вестник Центра корейского языка и культуры. 2019. Вып. 19. С. 156–179.
- An 2022 – *An J.-y.* New directions in K-drama studies // Journal of Japanese and Korean Cinema. 2022. Vol. 14. No. 2. P. 91–97.
- Baldacchino, Park 2021 – *Baldacchino J.-P., Park E.-J.* Between fantasy and realism gender, identification and desire among Korean viewers of second-wave Korean dramas // European Journal of East Asian Studies. 2021. Vol. 20. Iss. 2. P. 285–309.
- Hartzel 2022 – *Hartzell K.* Foreign but familiar. Genre and the global Korean drama fandom // Research anthology on fandoms, online social communities, and pop culture. Hershey, Pennsylvania: IGI Global, 2022. P. 183–215.
- Kenasri, Sadasri 2021 – *Kenasri P.A., Sadasri L.M.* Romanticized abusive behavior by media narrative analysis on portrayal of intimate partner violence romanticism in Korean drama // Humaniora. 2021. Vol. 33. No. 3. P. 202–211.
- Kim 2022 – *Kim T.* Cultural politics of Netflix in local contexts. A case of the Korean media industries // Media, Culture & Society. 2022. Vol. 44. Iss. 8. P. 1508–1522.
- Lee 2019 – *Lee M.J.* Desiring Asian masculinities through Hallyu tourism // The rise of K-dramas. Essays on Korean television and its global consumption / Ed. by J.Y. Park and A.-G. Lee. Jefferson, 2019. P. 26–46.

- Menh, Phoung 2022 – *Menh L.P., Phoung Q.L.* The point of view of spreading the culture and habits of young people through Korean drama films // *Journal of Asian multicultural research for social sciences study*. 2022. Vol. 3. No. 1. P. 007–014.
- Murell 2019 – *Murell S.* Portrayals of “soft beauty” analyzing South Korean soft masculinities in media and in real life // *The rise of K-dramas. Essays on Korean television and its global consumption* / Ed. by J.Y. Park and A.-G. Lee. Jefferson, 2019. P. 127–152.
- Perwitasari, Paramita 2020 – *Perwitasari D.A., Paramita E.L.* Product placement on Korean drama as an effective tool for brand positioning (case study: Laneige) // *Jurnal Muara Ilmu Ekonomi dan Bisnis*. 2020. Vol. 4. No. 1. P. 145–155.

References

- An, J.-y. (2022), “New directions in K-drama studies”, *Journal of Japanese and Korean Cinema*, vol. 14, no. 2, pp. 91–97.
- Baldacchino, J.-P. and Park, E.-J. (2021), “Between fantasy and realism gender, identification and desire among Korean viewers of second-wave Korean dramas”, *European Journal of East Asian Studies*, vol. 20, iss. 2, pp. 285–309.
- Hartzell, K. (2022), “Foreign but familiar. Genre and the global Korean drama fandom”, in *Research anthology on fandoms, online social communities, and pop culture*, IGI Global, Hershey, Pennsylvania, USA, pp. 183–215.
- Kenasri, P.A. and Sadasri, L.M. (2021), “Romanticized abusive behavior by media narrative analysis on portrayal of intimate partner violence romanticism in Korean drama”, *Humaniora*, vol. 33, no. 3, pp. 202–211.
- Kim, T. (2022), “Cultural politics of Netflix in local contexts. A case of the Korean media industries”, *Media, Culture & Society*, vol. 44, iss. 8, pp. 1508–1522.
- Lee, M.J. (2019), “Desiring Asian masculinities through Hallyu tourism”, in Park, J.Y. and Lee, A.-G. (eds.), *The Rise of K-Dramas. Essays on Korean television and its global consumption*, Jefferson, USA, pp. 26–46.
- Menh, L.P. and Phoung, Q.L. (2022), “The point of view of spreading the culture and habits of young people through Korean drama films”, *Journal of Asian multicultural research for social sciences study*, vol. 3, no. 1, pp. 007–014.
- Murell, S. (2019), “Portrayals of ‘soft beauty’ analyzing South Korean soft masculinities in media and in real life”, *The Rise of K-Dramas. Essays on Korean television and its global consumption*, Jefferson, USA, pp. 127–152.
- Perwitasari, D.A. and Paramita, E.L. (2020), “Product placement on Korean drama as an effective tool for brand positioning (case study: Laneige)”, *Jurnal Muara Ilmu Ekonomi dan Bisnis*, vol. 4, no. 1, pp. 145–155.
- Pukhovskaya, A.V. (2019), “Yuzhnokoreiskie serialy 2010-kh godov: geroi i tipy konfliktov” [South Korean TV series of the 2010s. Protagonists and typology of conflicts], *Vestnik Tsentra koreiskogo yazyka i kul'tury*, iss. 19, pp. 156–179.

Информация об авторе

Александра В. Тарасова, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; aleks.tarasova@gmail.com

Information about the author

Aleksandra V. Tarasova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; aleks.tarasova@gmail.com